

Сергей Чугунов

Белый и пушистый

Забавные истории о жизни мудрых котов и всяких разных людей...

Сергей Чугунов

**Белый и пушистый. Забавные
истории о жизни мудрых
котов и всяких разных людей...**

«Издательские решения»

Чугунов С.

Белый и пушистый. Забавные истории о жизни мудрых котов и всяких разных людей... / С. Чугунов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906514-8

Потешный роман о любви и не только к животным. Сборник забавных и трагичных историй о жизни Варвары Ростопчиной, её друга Александра Кузьминского, тёти Люси (крёстной), белого и пушистого кота Кузи.

ISBN 978-5-44-906514-8

© Чугунов С.
© Издательские решения

Содержание

1. А не завести ли мне котика?	6
2. Котик заводится	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Белый и пушистый Забавные истории о жизни мудрых котов и всяких разных людей...

Сергей Чугунов

«Я наблюдаю кошек и котов годами. Это удивительные животные. Иногда мне кажется, что это люди, настолько, что даже плакать хочется от удивления, почему они в шкуре и молчат?»

Юрий КУКЛАЧЁВ, дрессировщик котов

© Сергей Чугунов, 2018

ISBN 978-5-4490-6514-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. А не завести ли мне котика?

«У кого есть кошка, тот может не бояться одиночества».

Даниель ДЕФО, английский писатель

Это случилось не так давно, но с каждым годом всё дальше и дальше удаляет нас от этого судьбоносного события. Итак, тяжелый удар – имя которому «дефолт», разрушил шаткое благополучие экономиста Варвары Ростопчиной.

Коммерческий банк, в котором она успешно трудилась последние три года, благополучно обанкротился и успешно затонул, оставив за бортом и без средств к существованию не только немногочисленный коллектив ни в чём неповинных клерков, но, прежде всего, бесталанную девушку Варю.

Извините, Варвару Ивановну Ростопчину – потомственную дворянку – прямую наследницу графа Фёдора Васильевича Ростопчина, генерал-губернатора, спалившего Первопрестольную в 1812 году.

А ведь начинался день так весело, и ничто не предвещало никаких неприятностей и потрясений. Пришла Варвара на работу, как ни странно вовремя, хотя с детства имела пагубную привычку опаздывать везде и всегда. И что там увидела девушка. На вахте стояли мужчина и женщина, явно не из их ведомства.

Вахтёрша, знамо дело, с административным восторгом проверила, заказаны ли на них пропуска, сверила данные запроса с паспортами, потом, приподняв подслеповатые глаза на этих людей, протяжно и нараспев спросила:

– И кто из вас Людмила Яковлевна?

Получив окончательный расчёт, сильно расстроенная Ростопчина, несмотря на то, что до её дома было километров пятнадцать, решила пройтись и проветриться, и потому пошла домой пешком. На её великолепных тёмных глазах, обрамлённых густыми ресницами, появились неподдельные слёзы. А чувственные полноватые губы дрожали от страха, страха не за будущее, а за настоящее, потому как Варвара была оптимистка и знала, что неприятности не могут долго продолжаться, как, собственно, и приятности.

Но именно сегодня, впервые в жизни после смерти матери, Варвара не знала, что ей делать дальше. И девушке стало жаль себя. Какое-то невероятное отчаянье и беспредельная жалость к себе любимой охватила Ростопчину, стало так грустно и тошно – хоть жизнь выключай...

Выйдя в таком безнадежно-отчаянном настроении из офисного центра, который находился на территории какого-то давно неработающего завода, Варвара тяжело вздохнула, и тут затуманенный взор девушки уткнулся в огромный баннер социальной рекламы: «Наркотики – выход есть!»

Варвара вымучено улыбнулась: «Наркотики – это выбор хлюпиков и лоботрясов».

И, ничего особенно не изобретая, девушка пустилась в долгий путь к дому, который она обычно она проделывала за час с небольшим, двигаясь сначала на автобусе, потом на метро, а уж в заключительной стадии на трамвае или маршрутке.

Вообще-то Варвара любила гулять по шумным улицам и тихим переулкам пешком, поскольку это было не только полезно и приятно, но и ужасно увлекательно. Для живущих в таком большом и красивом городе – бывшей российской столице, гуляние по улицам превращалось из праздного времяпрепровождения в своеобразную познавательную экскурсию. Причём в роли утомлённого и индифферентного гида, а также пытливого и докучного экскурсанта

выступала одна и та же персона: Варвара Ивановна Ростопчина – большой знаток и любитель отечественной истории и истории своего родного города, и просто симпатичная и обаятельная девушка с длинными ногами и большим... запасом знаний.

Впрочем, как говорил кто-то из великих людей: «Большая и красивая грудь может украсить даже умную женщину!»

Блуждая по широким проспектам и плутая по узким улочкам Санкт-Петербурга, Варя забрела на Богословское кладбище, на котором всего три года назад была похоронена её мама. Посетив могилу матери, дочь не стала, как это было раньше, откровенно разговаривать с покойной, пенять и жаловаться на свою жизнь. Девушка в полном молчании немного посидела на скамейке возле маленького холмика с небольшим каменным памятником, на котором, кроме обычных надписей, типа имени и дат, была высечено всего два слова: «Скорбим... Помним».

После могилы матери, Варя немного в глубоком молчании погуляла по тихим аллеям смиренного кладбища. Здесь были похоронены и ее любимый драматург Евгений Шварц, и рок-певец Виктор Цой.

«Всю жизнь мы стремимся к чему-то, лаем, грызём друг другу глотки, строим планы, о чём-то мечтаем, рвём души или глотки, пытаюсь докричаться до равнодушных сердец, стремимся к чему-то светлому и большому...»

А всё кончается до чрезвычайности просто: рано или поздно мы все оказываемся в этих тихих и покойных местах...

Жизнь скоротечна и порой мне кажется, совершенно бессмысленна и бесполезна...»

Варвара и до смерти мамы любила гулять по кладбищу, читать нелепые подчас эпитафии и вглядываться в пожелтевшие фотографии. На них усопшие люди были ещё живыми, полными здоровья и планов на будущее, но печальная судьбина не дала этим планам осуществиться.

А ещё Варя очень нравилось, как бы это не казалось нелепо и глупо, высчитывать: сколько лет поместилось между двумя главными датами человеческой жизни.

«Жизнь – это короткое тире между днём рождения и днём смерти. И неважно, сколько ты прожил: сто лет или сто дней – всё равно твоя душа уносится в горний совершенный мир, а твоё брэнное тело зарывают в землю, а сверху придавливают тяжёлой могильной плитой, чтобы у тебя не возникло желание вернуться в мир дольний и несовершенный».

Погуляв ещё немного по смиренному кладбищу, Варя немного успокоилась и решила двигаться домой, поэтому довольно скоро оказалась на площади Калинина.

«Полюстрово – не самый красочный и не самый интересный район города. В нём нет парадного блеска и шика бывшей российской столицы. Обыкновенная рабочая окраина, особо ничем не выделявшаяся, – Варвара начала экскурсию для себя любимой, мысленно повествуя о местных достопримечательностях и несовершенствах. – Но именно на таких заброшенных и запущенных окраинах живут наидобрейшие мещане, в лучшем понимании этого слова, и самые отъявленные подонки.

Болотистые земли на правом берегу Невы начали заселять только в XXVIII веке. Их освоение было связано, прежде всего, с открытием минеральных источников ещё при Петре I, если бы город начали строить не с Петроградской стороны, а с Полюстрово – можно только догадываться, какие архитектурные шедевры могли бы наблюдать здесь, кроме дачи Безбородко с её парой дюжин львов...»

«В названии Полюстрово – обширного участка заболоченных земель, прославившегося своими железистыми источниками, можно проследить латинское происхождение *palustris* – болотистый...» – вспомнила Варвара бездушный текст какой-то исторической книги.

«Я ещё помню воду «Полюстрово», – вспоминая детство, подумала Варя. – Её фасовали в стеклянные бутылки. Это была мутная вонючая жидкость с ржавым осадком на дне,

гордо именуемая минеральной водой. Эта «железная» вода не пользовалась особым спросом у народа, хотя и обладала огромным рядом целебных качеств.

Но стоило только открыть водопроводный кран в любой ленинградской квартире, и можно было убедиться, что из крана текла такая же смрадная ржавая вода, разве только без газа...»

Рядом с памятником Всесоюзному старосте находился Птичий рынок, и поэтому Ростопчина решила посмотреть на животных, тем более что за просмотр денег не берут – это же не зверинец.

«Зверюшки – такие милые, добрые и искренние существа, не то, что жестокие и лживые людишки!» – подумала Варвара, направляясь на рынок.

Вот уж кого Ростопчиной никогда не было жалко, так это людей. Зато сердобольная и впечатлительная Варюша, в своём раннем детстве, могла целый день прореветь над какой-нибудь букашечкой-козявочкой, которую нечаянно раздавила, когда прыгала по дорожке в соседнем парке.

Побродив полчаса по торговым рядам, меж лотков и прилавков, на которых стояли аквариумы, клетки с птицами, хомячками и морскими свинками, Варвара неожиданно созрела в решении приобрести какую-нибудь *тварь божью*, которых на рынке было в неограниченном количестве на любой вкус, цвет и даже запах.

Многие маститые психологи утверждают, что запах живого существа играет совсем не последнюю роль при выборе друзей или возлюбленных, но чаще всего телесные ароматы действуют на подсознательном уровне.

Варвара наивно решила, что животное сможет стать достойной заменой любимого человека, а более ребёнка, которого она давно мечтала родить. Девушка простодушно думала, что забота о незащитной животинке, не даст угаснуть родительским рефлексам – кормить, дрессировать, выводить погулять и убирать нагаженное.

К тому же, в отличие от ничтожного человека, благородное животное не будет оговариваться, без спроса хлебать её водку, курить вонючие сигареты и шубуршать по ночам в холодильнике.

Кого покупать, Варя ещё не осознала, поэтому решила обойти весь Птичий рынок, думая, что если при виде какой-нибудь скотинки у неё ёкнет сердечко – то это будет то, что нужно.

Сразу же возле входа продавались симпатичные морские свинки.

«Не пойдёт, – категорично рассудила Варя. – Была такая свинка у моей школьной подружки Катки. Так свинка Сонька только и делала, что постоянно гадила да противно свистела, усилена поедая собственные экскременты.

Фу, противно и негигиенично».

К прилавку со свинками подошла молодая женщина с девочкой лет четырех-пяти. Девочка, едва завидев клетки с животными, тотчас начала приставать к своей маме, чтоб та купила морскую свинку:

– Мама, когда ты мне купишь свинку? Купи мне свинку, ты же обещала, если я буду себя хорошо вести, ты мне подарок сделаешь...

Купи мне морскую свинку, она такая милая!!!

И так несколько раз. Мама долгое время упорно молчала, как подпольщик на допросе в гестапо. Но девочка так просто не сдавалась, видно, что умела добиваться своего любой ценой:

– Мама, ну что ты молчишь, я же тебя спрашиваю? Ты только обещать умеешь, я же слушалась тебя целых два дня...

Мама, наконец, не выдержала, и дочка получила не совсем долгожданный ответ:

– То тебе свинку, то братика подавай, ты уж определись, кто тебе больше нужен... И не морочь мне голову. Мы здесь с тобой, чтобы купить корм для папиной игуаны и моей собачки...

Пройдя вдоль ряда с аквариумами, в которых плавали разномастные рыбёшки и меланхоличные черепашки, девушка только покачала головой.

«Рыбки и черепахи, конечно, красивые и неприхотливые, но больно молчаливые, они даже не свистят. А черепахи ещё по полгода спят... И что с того, что они живут сто лет, я этого всё равно оценить не смогу, потому как помру гораздо раньше».

Попугаи, с яркой раскраской и болтливостью, вызывали у Варвары аллергию на птичий пух, к тому же девушка не на шутку боялась заболеть орнитозом. Одна из её школьных подруг чуть не отбросила копыта, заразившись орнитозом от завезенного контрабандой какаду.

Тут Варваре припомнилась байка, которую ей рассказали на работе. Полина, секретарь начальника отдела жила с котом Барсиком в отдельной квартире. Этой осенью, в придачу к коту она приобрела совсем молодого волнистого попугайчика. Птаха совершенно маленькая и безобидная.

Но, на беду Полины, птичка пришлась по душе коту. Сытый и холёный котяра устроил попугаю жуткую жизнь. Бегать за попугаем ему было лень, и потому он стал периодически пугать попугая тем, что подкрадывался к нему и неожиданно бросался, заставляя чирикающего попугая в панике биться в клетке или носиться по комнате.

Но то ли поимка попугая не входила в планы кота, то ли попугай оказался слишком осторожным, и эти кошки-мышки продолжались несколько месяцев. Кот совсем обнаглел, заставляя попугая искать пятый угол каждые полчаса.

Полина уже начала искать, кому отдать бедную птичку, чтобы спасти от неминуемой смерти или в пасти кота или от сердечного приступа.

Кстати, Варваре она тоже предлагала.

Но однажды, как рассказывала Поля, когда кот, как обычно, подкрался к попугаю совсем близко и уже собирался прыгнуть, попугай вдруг рявкнул:

– Барсик! Пшёл вон!!!

С этими словами Полина обычно отфутболивала попавшего под ноги кота. Присевший для прыжка кот обомлел, застыл, а потом начал медленно оседать, лапы его подогнулись, и он свалился в натуральный обморок.

Через некоторое время кот, конечно, пришел в себя, стал какой-то вялый, утратил интерес к попугаю. Но сильный стресс сделал своё гнусное дело, кот тяжело заболел и через пару недель помер...

Крыс Ростопчина боялась с детства, особенно пугали ее их лысые хвосты – они прямо-таки раздражают особенно женщин, что-то напоминают... что-то противное и похоже мужское... Потом-то сейчас, когда в туалете у Вари, какая-то наглая крыса прогрызла дырку и хозяйничает, как у себя в доме – заводить ещё одну крысу, даже домашнюю не очень-то и хотелось. Итак, приходится сначала шуметь, вооружиться шваброй, а уж потом справлять естественные потребности.

Шура Кузьминский – давнишний Варварин приятель – обещал заделать этот ход, но у него всё руки не доходили, хотя, если дело касалось девичьего тела, то руки всегда были под рукой, простите за тавтологию. Но это уже другая тема, как говорится, не для нашего романа.

Совсем недавно Александр уехал, или наврал, что уехал, в дальнюю и долгую командировку – не звонит, не пишет, а самое главное, не приходит в гости, чтобы дырку в туалете заделать.

А хомячки, по мнению Вари, созданы для того, чтобы дети быстрее осознали, что такое смерть и как быстро она наступает...

Итак, из животных остались только собаки и кошки, поскольку экзотические твари, типа, обезьян, хорьков или рептилий – совершенно не интересовали Варвару.

«Собаки – они, конечно, добрые и верные животные. Но с собаками надо по утрам гулять, а я так люблю поваляться в постели до обеда».

Поэтому девушка остановилась на котах, только котах, потому как самки котов – кошки приносят хозяевам не только радость и общение. Перспектива топить слепых и беспомощных котят в грязном Оккервиле Варваре была явно не по душе.

А ещё кошки ей не нравились и по другой причине. Как-то она ночевала у тети Люси – маминой подруги и крёстной матери. А у её Муськи была течка, ей нужен был котяра. Вот она и сходила с ума, причём вполне натурально. Орала дурным голосом, шипела на всех и бросалась с диким криком, выпустив когти и клыки.

У Варвары до сих пор шрам над левой бровью, только по счастливому стечению девушка не лишилась глаза. Муська, растопырив лапы в стороны, с диким криком набросилась на девушку. И если бы в кухню не вошла тётя Люся, Варваре не помог бы ни один пластический хирург.

Ростопчина вышла к закутку, в котором приторговывали кошками и котами. Большинство из продаваемых животных были непородистыми. И даже домашними их можно было назвать с большой натяжкой. Поскольку совсем ещё недавно их прибежищем служил какой-нибудь заброшенный дом или сырой и кишачий блохами подвал.

Варвара жила одна. Варе в наследство от мамы досталась двушка-хрущёвка на первом этаже, разбухшая и потёртая мебель, и мамина подруга Люся – её крёстная мать. Если мебель можно было сменить, квартиру отремонтировать, то тётю Люсю изменить не представлялось возможным. Она постоянно названивала Варваре, радательно интересуясь всеми моментами её жизни и давая многочисленные советы. Всё-таки *крёстная* была типичным представителем Страны Советов.

Сразу же после смерти матери, особого одиночества Варвара не испытывала. Сразу же после похорон, она без проблем и протекций устроилась в какой-то сомнительный коммерческий банк. Трудясь с утра до вечера, подчас без выходных и праздников, Варе некогда было задумываться о том, что она одна. К тому же периодически у неё случались мужчины, а один из них Александр Кузьминский задержался в её жизни на целый год. Правда их бурные встречи носили непостоянный характер, и чаще всего сводились к быстрому вечернему сексу и утреннему завтраку на скорую руку (Bad'n'breakfast).

И только в редкие выходные, когда Варвара оставалась одна, она отсыпалась за все предыдущие рабочие дни, и тогда-то ей становилось тоскливо.

В эти дни Ростопчина по обыкновению шла в театр или в музей, и уж в самом крайнем случае к тётю Люси. Впрочем, визит к маминой подруге, хотя и был сопряжён с утомительными вопросами о личной и профессиональной жизни, чаще всего заканчивался поеданиями всяческих вкусностей, приготовлением которых всегда славилась тётя Люся.

А вот сегодня Варваре почему-то стало так одиноко и тоскливо. Она неожиданно поняла, что за свои двадцать шесть лет она так и не приобрела настоящих друзей. Не было у неё и настоящего любимого человека.

Тщедушный очкарик Александр, работающий программистом, вызывал у Вари скорее чувство жалости, а не любви. Вид этого хлипкого «ботаника» в огромных очках, не мог вызвать никакого другого чувства кроме как сочувствия и сострадания.

Ростопчина тщетно пыталась откормить его и отучить говорить только о компьютерах и программах, усиленно удобряя свою недоразвитую речь фразами паразитами: «типа», «как бы», «так сказать» и «блин, нафиг»...

Но при всей собственной красоте, Ростопчина особенно не стремилась к мужскому обществу. Мужчины по большому счету её не интересовали, а вот дохляк Шурка как-то прижился в доме и даже иногда ночевал в Варвариной кровати.

Будто какой-то свободный художник, Кузьминский, без всякого спросу, приходил, когда ему было надо, и уходил в самый неподходящий момент. Единственное, что Варю устраивало в его обществе то, что Александр не утомлял своим присутствием, а иногда выполнял по дому кой-какую мужскую работу.

Главным недостатком Александра была его болезненная мать, которая не вылезала из больниц и санаториев и требовала от собственного сынка пристального внимания и постоянной заботы. И даже скудный лексикон Александра более убогий, чем у Элочки-Людоедки, Варвару несколько не напрягал.

Но сегодня, стало так тоскливо и одиноко, что даже засосало под ложечкой, будто Ростопчина дня три не брала в рот ни крошки хлеба. Дабы как-то скрасить своё одиночество, Варя решила завести себе кота. Тем более что всем известен факт, что любовь представителя кошачьего рода племени, в отличие от собачьей любви, нужно, ой, как потрудиться, чтобы заслужить.

«Вот и будет возможность проявить свою любовь к *братьям нашим меньшим*», – подумалось Варе.

Тут неожиданно припомнилось, как когда-то в раннем детстве девочка Варюша попросила маму, чтобы та разрешила ей завести котика. Вечером после того, как мама вернулась с работы, они поехали к маминной подруге. У неё как раз не так давно в очередной раз окатилась кошка Муська.

Ехали недолго, потому как подруга мамы жила через две станции метро от их дома. По пути они прикупили кое-что к чаю. С пустыми руками, а тем более к своей близкой подруге, мама Вари никогда не ходила.

Приехали, выбрали...

Хотя выбирать было не из кого, котёнок был всего один. Да и к тому же этот котёнок был ещё слишком маленьким, всего месяц от роду. Поэтому тётя Люся безапелляционно заявила, что котёночка можно будет забрать только недели через две-три.

Тогда нетерпеливая Варечка принялась пытаться мамочку:

– А почему мы сразу котика забрать не можем? Он мне так понравился...

А мама ей в ответ:

– Доченька, котик ещё маленький. Он не умеет кушать сам, вот его мама-кошка научит всему и тогда нам его отдадут...

Через несколько минут тоскливого молчания, Варя с круглыми глазами и слезами в голосе неожиданно спросила маму:

– Так что, когда я сама буду кушать и одеваться, ты меня тоже кому-нибудь отдашь?!

Ну и посмеялись же тогда подруги.

А что можно было на это ответить?

Про замужество объяснять было ещё рано...

К сожалению, котёнок у Вари тогда так и не появился. Дело в том, правдой или неправдой, но маме удалось убедить дочку, что котёнок вырос и убежал из дома Крёстной. Хотя, как это потом, гораздо позже, выяснилось – котёнка придавила его хозяйка, и котик, к сожалению, умер.

Дабы не травмировать слабую детскую психику, и зная сумасшедшую Варину любовь к животным, рассудительные подруги придумали нескладную историю с побегом...

Своего КОТА Варвара узнала сразу, как только ей на глаза ей попался маленький беленький и пушистый ангорский котёнок с пытливыми подвижными глазками. Увидев, девушку, малыш как-то оживился, встал на задние лапки и жалобно замыкал. Это его последнее действие и поставило финальную точку в его судьбе. Тем более, неожиданно в голову девушки пришла мысль, вернее, воспоминание о недавно просмотренной телевизионной передаче, в которой шла речь о переселении душ. Одна из женщин, участвующих в передаче, призналась, что душа дочери переселилась в тело бездомного котенка, которого она подобрала на улице.

«А может мамина душа также переселится в маленькое тельце этого крохотного пушистого животного?»

Вполне естественно, что у продавца не было никаких документов, подтверждающих, что данный котенок действительно принадлежит к славному роду турецких котов, которые жили в огромных покоях огромного дворца турецкого султана, и подчас служили махровым полотенцем для многочисленных гостей на частых пирах и застольях. Именно о густую кошачью шерсть, как когда-то римляне о кудрявые шевелюры мальчиков, вытирали обожравшиеся гости свои грязные замасленные руки.

Впрочем, отсутствие документов несколько не заботило Варю, ей нужен был подлинный друг, а не породистое удовлетворение болезненного тщеславия.

И потому с лёгким сердцем Ростопчина купила себе котёнка-друга, хотя, как говорится, друзей нельзя купить.

(«Зато его можно продать!» – шутка, правда, избитая).

Вынув помятую сотню, Ростопчина стала полноправной хозяйкой этого белого и пушистого... чудовища. Но то, что это обаятельное и привлекательное животное – на самом деле безжалостный *монстр-инквизитор*, Варя ещё не догадывалась.

И какой идиот только придумал, что раз «белый и пушистый» – значит ласковый и добрый. Ага, конечно, держите карман шире. Действительность она гораздо разнообразнее и коварнее.

И тем не менее, несмотря на все приключения, которые Ростопчиной пришлось пережить после обретения этого беззащитного пушистого комочка, которое выросло и стало своенравной неуправляемой тварью, Варя ни разу не пожалела о содеянном...

2. Котик заводится

«Если вы понравитесь кошке, она позволит вам стать её другом, но хозяином – никогда!»

Теофиль ГЮТЬЕ, французский писатель

В этот же день неожиданно проявился Кузьминский, который якобы вернулся из своей далекой командировки в ад, и, что вполне естественно, чертовски проголодался. Увидев грязного котенка, который имел несчастье заглянуть на огонёк в кухню, молодой человек оставил в покое изрядно обглоданный мосол и жестоко напал на беззащитного звереныша.

– Мыть, к чертовой матери! – с каким-то нечеловеческим восторгом прокричал Кузьминский, схватил ничего неподозревающего котёнка за шкуру и поволок в ванную комнату.

Вдвоём с Варей они засунули его в ванну, наполовину наполненную тёплой водой, и отмыли душистым шампунем. Кот, вполне естественно, противно помяквивал и фыркал. Потом его спеленали и, растерев большим махровым полотенцем, высушили феном. Нельзя сказать, что последняя процедура ему несколько не понравилась, но он иногда мяукал, якобы выражая недовольство.

Котёнка, принявшего достойный вид, Александр принялся расчёсывать частым гребнем, выстригая колтуны. На кипенно-белом лобике котика «котомажер» обнаружил несколько чёрных волосков – явных признаков вырождения.

– Никакой он не выродок, – обиделась Варвара и, удалив черные волоски пинцетом для выщипывания бровей, торжествуя констатировала:

– Вот, теперь он просто идеальный ангорский котёнок.

– Ладно, давай сюда твой ангорский шарфик, я его доведу до кондиции.

– Продолжай, а я пойду посуду помою...

Безмятежность и тишина раскололись душераздирающим мявом и грохотом падающего тела. Прозвенели стеклянные брызги, и раздался ушераздирающий мужской вой.

Варя оставила недомытую посуду и незамедлительно проследовала в комнату. Шура сидел на диване и покачивался в такт своим завываниям, вытянув на коленях руки с набухавшими кровью царапинами. Рядом валялись ножницы и клочья кошачьей шерсти.

– И что случилось? – подперев кулаками бока, сердито изрекла Варвара.

Александр посмотрел на разгневанную девушку тоскливыми глазами и сквозь зубы прошипел:

– Я-а-а-й-а-а.

– Что такое?

– Я, кажется, ему отстриг кое-что лишнее.

– В смысле?

– Ну, его достоинство...

Варя была далека от медицины, но у неё почему-то возникло стойкое подозрение, что если бы приятель отстриг коту то, о чём он думает, то котёнок бы не сидел спокойно под диваном, а орал благим матом, или как сумасшедший носился по квартире.

– А ты ничего не путаешь?

Александр раскрыл крепко сжатые до этого кулаки. На окровавленных и мокрых от слез ладонях, лежали два пушистых комочка. Серая шерстка на них поблескивала капельками крови.

Оказалось, что, когда Кузьминский выстригал колтуны между задними лапами, кот дернулся. Шура же, ранее нацелившись ножницами на свалывшийся комок шерсти, по инерции состриг то, что туда попало. А попали, с его слов, именно... ну, вы в курсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.